

Плохотников Вячеслав Сергеевич

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА РАБОЧИХ Г. ТЮМЕНИ В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК (1928-1941)

В статье на основе новых исторических источников анализируются политика советской власти в сфере оплаты труда и уровень заработной платы рабочих г. Тюмени в 1928-1941 годы. В условиях форсированной индустриализации государство совершенствовало систему оплаты труда с целью обеспечения опережающего роста производительности труда по отношению к зарплате. В то же время даже при повышении реальной заработной платы тюменских рабочих их уровень жизни оставался невысоким.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-1/41.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. I. С. 161-165. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

совокупность всех виртуальных пространств и времен вместе со всеми существующими в них виртуальными объектами и виртуальными взаимодействиями.

Итак, виртуальное время – это время с особыми онтологическими характеристиками, специфическими длительностями и масштабами, темпами и ритмами, допускающее явную инверсию, не связанное жесткими связями с соответствующими виртуальными пространствами. Можно и нужно говорить о двух типах виртуальных времен: интеллектуальных, позволяющих конструировать модели природных или социальных процессов (виртуальных временах-эпистемах) и чувственных, переживаемых человеком в виртуальных пространствах и симулятивных практиках. Онтологическое исследование виртуального времени еще только начинается, но не вызывает сомнения, что именно оно может дать множество полезных практических приложений.

Список литературы

1. Аристотель. Физика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1981. Т. 3. С. 45-160.
2. Аскин Я. Ф. Направление времени и временная структура процессов // Пространство, время, движение. М.: Наука, 1971. С. 56-80.
3. Афанасьева В. В. Виртосфера // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2009. Т. 9. Вып. 2. С. 3-8.
4. Афанасьева В. В. Тотальность виртуального. Саратов: Научная книга, 2005. 103 с.
5. Афанасьева В. В., Афанасьев Н. С. Постнеклассическая онтология // Вопросы философии. 2015. № 8. С. 28-42.
6. Афанасьева В. В., Лазерсон А. Г., Кочелаевская К. В. Пространство: постнеклассическая онтология. Саратов: Наука, 2012. 246 с.
7. Афанасьева В. В., Пилипенко Е. А. Онтология времени // Вестник ВолГУ. 2014. № 4. С. 41-48.
8. Беркли Дж. Три диалога между Гиласом и Филонусом // Беркли Дж. Сочинения. М.: Мысль, 2000. С. 215-216.
9. Гайденко П. П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 464 с.
10. Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира // Кант И. Сочинения: в 6-ти т. М.: Мысль, 1964. Т. 2. С. 277-320.
11. Носов Н. А. Виртуальная психология // Труды лаборатории виртуалистики. М., 2000. Вып. 6.
12. Носов Н. А. Образование и виртуальная реальность // Новый коллегиум. 2000. № 3. С. 40-43.
13. Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М.: Наука, 1989. 30 с.
14. Хоружий С. С. Очерки синергической антропологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 408 с.
15. Хоружий С. С. Род или недород. Заметки к онтологии виртуальности // Вопросы философии. 1997. № 6. С. 53-68.
16. Derrida J. Ousia and Gramme // The Margins of Philosophy. Chicago, 1982. P. 36-37.

VIRTUAL TIME: ONTOLOGICAL ASPECT

Pilipenko Elena Aleksandrovna, Ph. D. in Physical-Mathematical Sciences, Associate Professor
Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky
e.pilipenko@bk.ru

The article considers the problem of virtual time. In this connection special ontological characteristics of virtual time are examined. It is shown that virtual time is characterized by specific durations and scales, it admits evident inversion, and it isn't connected with corresponding virtual spaces by rigid links. The author substantiates the statement about two types of virtual times: intellectual ones, which allow constructing the models of natural or social processes, and sensuous ones, which a person experiences in virtual spaces and simulative practices.

Key words and phrases: ontology of virtual time; virtual time; virtual space; intellectual time; sensuous time.

УДК 94:379.8(571.12).084.7

Исторические науки и археология

В статье на основе новых исторических источников анализируются политика советской власти в сфере оплаты труда и уровень заработной платы рабочих г. Тюмени в 1928-1941 годы. В условиях форсированной индустриализации государство совершенствовало систему оплаты труда с целью обеспечения опережающего роста производительности труда по отношению к зарплате. В то же время даже при повышении реальной заработной платы тюменских рабочих их уровень жизни оставался невысоким.

Ключевые слова и фразы: заработная плата; нормирование труда; рабочие; индустриализация; Тюмень.

Плохотников Вячеслав Сергеевич

Тюменский государственный университет
vyacheslavplo@mail.ru

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА РАБОЧИХ Г. ТЮМЕНИ В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК (1928-1941)[©]

В конце 1920-х гг. СССР вступил в ключевой период своего развития, главным содержанием которого стал переход к ускоренной модернизации и форсированной индустриализации. В короткие исторические сроки

были воздвигнуты тысячи предприятий, и по объему производства промышленной продукции страна вышла на второе место в мире, уступая лишь США. Созданный в это время экономический потенциал позволил приступить к преобразованиям в социальной сфере, развернуть многоотраслевой оборонный комплекс.

В годы первых пятилеток значительные изменения произошли в экономике Тюмени, тогда главном промышленном центре Зауралья. Если в 1914 г. стоимость основных фондов предприятий города составляла 1850 тыс. руб., то к 1939 г. она выросла до 32508 тыс. руб. [19], т.е. в 17,6 раза. Одновременно существенно увеличились объемы промышленного производства: в денежном выражении с 1928 г. по 1940 г. в 9,4 раза [9, д. 187, л. 13, 14; 21, с. 116].

Среди новых промышленных объектов, возведенных в эти годы, были деревообрабатывающий комбинат «Красный Октябрь», фабрика валяльной обуви, фанерный комбинат и другие предприятия [1, с. 24]. Важные перемены произошли на заводе «Механик», превращенном из полукустарного механического в станкостроительный. На базе судовой верфи был создан крупный судостроительный завод.

С вводом в действие новых предприятий и реконструкцией старых ускорился процесс урбанизации. В 1927-1940 гг. численность населения Тюмени увеличилась с 50340 [5, д. 323, л. 186] до 83192 человек [8, д. 114, л. 19]. Если в 1930 г. в городе насчитывалось 5773 промышленных рабочих [Там же, д. 4, л. 1 об.], то в 1940 г. – 7870 [Там же, д. 115, л. 121].

Важным фактором, влияющим не только на жизненные условия, но и результаты производственной деятельности рабочего класса, является заработная плата. Моральные стимулы, широко использовавшиеся в годы первой пятилетки, имели важное значение для формирования уважительного отношения к труду. Но их приоритет оказывался малоэффективным в условиях голода и тотального дефицита конца 1920-х – начала 1930-х гг., заставив партийно-государственную элиту признать значимость и личного материального интереса.

Еще в первые годы нэпа советское государство приступило к проведению политики увеличения заработной платы трудящихся. В то время ее повышение, как правило, не увязывалось с ростом производительности труда и носило характер социально-политической меры – существовала острая необходимость в предотвращении дальнейшего падения уровня жизни рабочего [11, с. 147]. В 1920-е гг. заработная плата дифференцировалась по отраслям, в соответствии с профессиональным уровнем и интенсивностью труда. Однако даже в рамках одной отрасли или предприятия у рабочих одной профессии и квалификации сохранялась значительная разница в зарплате, мало чем обоснованная. Оплата труда рабочих некоторых квалификаций порой не соответствовала их производственной значимости, вследствие чего создавалось ненормальное соотношение в зарплате различных профессий [14]. По отдельным предприятиям достаточно большой разрыв в оплате труда зачастую был обусловлен не столько квалификацией рабочих, сколько возможностью реализации продукции на рынке, ее востребованностью.

С середины 1920-х гг. государство начало проводить политику уравнивания («уравниловка») заработной платы как квалифицированных и неквалифицированных рабочих (экономисты 1920-х гг. считали, что разрыв в оплате труда между высоко- и низкоквалифицированными работниками очень велик [11, с. 126]), так и по отраслям производства.

Заработная плата по тарифам составляла в общем заработке рабочих 40-50%, остальное – приработок, который достигался за счет премий и доплат. Например, в 1928/29 г. на тюменской судовой верфи у рабочего второго разряда его размер мог доходить до 400 процентов [2, д. 450, л. 37]. На протяжении 1930-х гг. широко использовались различные системы премирования: за качество работы, производство уникальных изделий, культуру труда, выпуск качественной экспортной продукции. Доплаты производились за перевыполнение норм выработки, сверхурочные работы, выполнение заданий особой сложности и другие. Индустриальный скачок конца 1920-х и 1930-х гг. привел к необходимости поиска наиболее приемлемых в данных условиях способов оплаты труда, потребовав, прежде всего, опережающего повышения производительности труда по отношению к росту зарплат. В исследуемый период соотношение между ними на тюменских предприятиях периодически менялось. Если увеличение зарплат за 1928/29 г. на ряде заводов (кожевенный, «Механик») опережало рост производительности труда [10, с. 92], то по итогам работы за 2 квартал 1929/30 г. картина была прямо противоположной [2, д. 440, л. 20]. В 1939 г. по отношению к 1938 г. на предприятиях государственной промышленности производительность труда увеличилась на 11%, а средняя зарплата производственного рабочего возросла с 2460 руб. до 3050 руб., т.е. на 24% [8, д. 106, л. 9]. С другой стороны, в первой половине 1941 г. на фабриках и заводах города рост производительности труда вновь превысил повышение зарплат [10, с. 158-160].

Такой результат и являлся основной целью реформ оплаты труда конца 1920-1930-х гг., предполагавших снижение доли заработной платы в себестоимости продукции для изыскания средств на осуществление индустриализации. Ради достижения этой цели началась борьба с «уравниловкой», не способствовавшей развитию заинтересованности рабочих в повышении производительности труда, в связи с чем была проведена тарифная реформа; обеспечена более высокая оплата труда рабочих так называемых «ведущих производств» (металлургия, машиностроение); вводилась сдельная оплата во всех производствах. Совершенствование тарифной системы осуществлялось на протяжении 1927-1939 гг., результатом чего стало введение единой 8-разрядной тарифной сетки почти во всех отраслях народного хозяйства, устанавливавшая значительную разницу между высшими и низшими разрядами, вводилась премиально-прогрессивная система и неограниченная сдельщина. Основными системами заработной платы являлись прогрессивно-сдельная, индивидуальная и звеньевая (бригадная), которая была преобладающей.

Повышение роли тарифной ставки и переход значительной части рабочих на сдельщину привели к необходимости улучшения нормирования труда, которое в конце 1920-х – начале 1930-х гг. на многих предприятиях вообще отсутствовало, на других же проводилось «на глазок». Разнобой, огромное количество норм, сложность их составления затрудняли рабочему возможность подсчета начисления своего заработка. Иногда технико-нормировочное бюро утверждало такие высокие нормы, выполнение которых не позволяло качественно выполнить работу [4, д. 20, л. 54]. Практически на всех предприятиях в первые месяцы после внедрения новые повышенные нормы приводили к уменьшению зарплаты вследствие их невыполнения, поскольку были составлены на основе выработки высококвалифицированного рабочего. В результате принятия нового коллективного договора на 1929 г. на фабрике «Пламя» произошло снижение зарплаты у 118 человек [2, д. 385, л. 117]. Нередко нормы подвергались пересмотру в сторону повышения в случае их выполнения [17].

Расчетное (научно-обоснованное) нормирование труда не всегда принималось на производстве – при нормировании «на глазок» легче было перевыполнить нормы выработки, а значит, и получить большую зарплату. Факты неприятия новых норм отмечались повсеместно (на заводах «Угольник» [13] и тюменском судостроительном [2, д. 450, л. 37], на фабрике «Пламя» [Там же, д. 384, л. 15]). В ходе жарких споров по этому поводу раздавались следующие высказывания: «Есть такой народ – это нытики: зарплата мала, хлеб отбирают. Какое мне дело до нашего строительства, лишь бы ему жилось хорошо. Когда идет партия широким шагом, то эти люди мешают» [Там же, д. 385, л. 118]. Таким образом, одна часть рабочих была недовольна результатами нормирования, а другая верила в то, что «генеральные линии партии очень правильны» и «директиву партии мы исказить не можем» [Там же, д. 384, л. 88]. Вокруг этой проблемы борьба рабочих и администраций предприятий велась с конца 1920-1930-х гг. Правда, какого-то организованного сопротивления не было. Отчасти это являлось следствием деятельности партийных и профсоюзных организаций, разъяснявших рабочим, что недовольство необоснованно, реформа проводится для их блага и ускорения темпов индустриализации. Позитивно сказывалось на настроениях трудящихся и то, что некоторые их категории значительно увеличивали свой заработок. Это создавало стимулы к повышению квалификации и к переходу на более высокооплачиваемую, хотя и трудную работу. Однако даже к началу 1940-х гг. на предприятиях преобладали опытно-статистические методы нормирования труда, которые позволяли значительно перевыполнять задания и, следовательно, получать более высокую зарплату. Но в целом пересмотр норм выработки (в сторону увеличения) имел достаточно высокий экономический эффект, выражавшийся в росте производительности труда.

В сфере оплаты труда на предприятиях города отмечался целый ряд недостатков. Сохранялась неудовлетворительная организация учета выполненных работ [4, д. 64, л. 11а], перераставшая в откровенно равнодушное отношение к рабочим. В ноябре 1928 г. газета «Красное знамя» сообщала: «Словно и не замечает охрана труда, что работницы чистального цеха завода “Механик” чуть ли не ежедневно перерабатывают по 2 часа, а бывают случаи работают по две смены. Зарботок подсчитывается за 6 часовой рабочий день, а фактически рабочий день достигает 8 и более часов» [12]. Подобная картина наблюдалась и на других предприятиях. Зачастую одна и та же работа оценивалась по-разному, нередко были случаи уравниловки в зарплате квалифицированных и неквалифицированных рабочих, бездельников и усердных работников [4, д. 64, л. 26]. Имели место недопустимое соотношение в оплате труда производственного и вспомогательного персонала [2, д. 486, л. 7], использование квалифицированных рабочих на подсобных работах [Там же, л. 156].

Вместе с тем в конце 1920-х – начале 1930-х гг. довольно широкий размах приобрело добровольное снижение расценок за свою работу, составлявшее до 30% заработка [Там же, д. 440, л. 43], принятие обязательств подписки на займы индустриализации, перечисление средств на укрепление обороноспособности страны. В то же время наряду с патристическими имели место иные настроения: «Вздумали какой-то промфинплан и жмут рабочего со всех сторон, то на индустриализацию, то на коллективизацию, а рабочему ничего не остается» [15].

Острой проблемой предприятий города являлся перерасход фондов зарплаты, который в начале 1930-х гг. приобрел массовый характер. Это объяснялось тем, что плановые задания давались под бескризисное, почти идеальное производство. К переплатам, низкой производительности труда вели устаревшее оборудование, невысокий профессиональный уровень недавно пришедших на производство рабочих, неритмичные поставки сырья, перебои с топливом, электроэнергией. Причинами такого явления могли быть непредвиденные расходы, не заложенные в смету, например затраты на «взрослое ученичество», качество сырья (на заводе «Механик» в 1931 г. при обработке деталей в механическом цехе пришлось производить доплату за твердость чугуна), незапланированный штат работников [7, д. 163, л. 187]. В интересах производства отдельные руководители предприятий самовольно повышали сдельные расценки и ставки. Значительные средства из фонда зарплаты уходили на оплату простоев и брака. На овчинно-шубном заводе из-за недостатка запчастей в 1937 г. простои составили 40 рабочих дней [16]; на лесозаводе «Республиканец» в 1939 г. – 1883 человеко-часа [3, д. 4, л. 2]. Высокая доля брака в производстве и неувязки в работе агрегатов вызывали широкое применение сверхурочных работ, оплачиваемых по повышенным расценкам.

Одной из острых проблем являлись задержки в выплате заработной платы, основными причинами которых выступали невыполнение производственных программ, отсутствие денег в Госбанке, заговаривание, обусловленное хроническим отсутствием транспорта и значительной дебиторской задолженностью. Кроме того, за счет зарплаты восполнялся недостаток ограниченных оборотных средств предприятий. Таким образом, несвоевременная оплата труда являлась следствием общего состояния экономики, а не работы руководителей предприятий, в которых власть видела виновников данной ситуации. Поэтому разного рода репрессивные меры, применяемые к руководству предприятий (условное осуждение, снятие с работы, штрафы и предупреждения), не могли решить проблему.

Большинство рабочих не имели накоплений, поэтому выплата зарплаты с опозданием даже на один месяц значительно отражалась на их материальном положении, создавая не только экономические, но и социальные проблемы. Происходили волнения рабочих, увеличивался поток жалоб в советские и партийные органы. В информационной сводке НКВД по Обско-Иртышской области за декабрь 1934 г. приводится следующее высказывание рабочих лесозавода «Красный Октябрь»: «С 1 января мы умрем с голода или должны уйти куда-нибудь на другой завод, где своевременно выдают заработную плату...» [6, д. 22, л. 207].

Руководство страны осуществляло деятельность по недопущению заметного понижения уровня оплаты труда, принимая ряд постановлений о повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим.

Архивные материалы и данные периодической печати располагают следующей информацией о среднемесячной зарплате тюменских рабочих в 1920-1930-е гг. В августе 1936 г. на судовой верфи она составляла 227 руб. [8, д. 50, л. 256 об.] против 85 руб. в 1928/29 г. [2, д. 484, л. 10], на лесозаводе «Республиканец» – 161,97 руб. [8, д. 50, л. 262] вместо 90,68 руб. в январе 1934 г. [Там же, д. 25, л. 49 об.], на станкостроительном заводе «Механик» – 191,19 руб. [Там же, д. 50, л. 255] по сравнению с 152,01 руб. в сентябре 1935 г. [Там же, д. 25, л. 86 об.]. К 1940 г. средняя зарплата рабочих всех предприятий Тюмени составила 242,50 руб. в месяц [Там же, д. 106, л. 7]. Среднемесячный заработок на овчинно-шубном заводе в 1936 г. был равен 222,10 руб. [Там же, д. 49, л. 176], в 1941 г. – 281 руб. [9, д. 187, л. 16], на сапоговальяльной фабрике им. Челюскинцев – соответственно 183,30 руб. [8, д. 49, л. 165] и 273,83 руб. [Там же, л. 18]. Таким образом, к началу 1940-х гг. очевиден рост заработной платы. Наиболее высокой она была у тюменских рабочих, занятых в металлообрабатывающем производстве, низкой – в пищевой промышленности и коммунальном хозяйстве.

В 1935-1937 гг. стали поощряться высокие стахановские заработки, возросло материальное благосостояние ударников производства. Правящим режимом был создан слой относительно привилегированных рабочих, живших в лучших условиях, чем большинство других. Так, в 1938 г. кузнецы-стахановцы завода «Механик» получали от 300 до 500 руб. в месяц, тогда как зарплата других рабочих была значительно ниже [18]. В 1941 г. модельщик этого предприятия получал в месяц около 600 руб., литейщик – 700 руб., слесарь – 500 рублей [20].

Судить об уровне реальной заработной платы можно, исходя из соотношения номинальной зарплаты с ценами на основные продукты питания и товары первой необходимости. Заработки тюменских рабочих постепенно возрастали, в то время как цены снижались. Так, с начала января 1933 г. к концу декабря 1938 г. рыночная стоимость килограмма ржаной муки в Тюмени снизилась с 3,96 руб. до 0,75 руб., говядины – с 12 руб. до 8 руб., сливочного масла – с 32,50 руб. до 16 руб., литра молока – с 2,80 руб. до 1,50 руб., десятка яиц – с 9 руб. до 7 рублей [8, д. 12, л. 60, д. 93, л. 2]. Однако, учитывая уровень зарплаты, очевидно, что снижение цен не могло привести к существенному улучшению материального положения рабочих города.

Таким образом, с переходом к форсированной индустриализации государством принимались серьезные меры по совершенствованию системы оплаты труда рабочих, заключавшиеся в проведении тарифной реформы, введении сдельщины во всех отраслях производства с целью обеспечения опережающего роста производительности труда по отношению к заработной плате. Разрабатывались и применялись научно обоснованные нормы труда, хотя к началу 1940-х гг. на производстве все-таки преобладали опытно-статистические. В рассматриваемый период наблюдается рост как номинальной, так и реальной заработной платы рабочих тюменских предприятий, что, однако, значительно не повысило их жизненного уровня.

Список литературы

1. Бакулина Т. И., Бородулина Е. В. Провинциальный город в 30-е гг. XX века (на примере Тюмени) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (48). Ч. 1. С. 24-27.
2. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 7. Оп. 1.
3. ГАСПИТО. Ф. 1004. Оп. 1.
4. ГАСПИТО. Ф. 1608. Оп. 1.
5. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 5. Оп. 1.
6. ГАТО. Ф. 5. Оп. 4.
7. ГАТО. Ф. 293. Оп. 1.
8. ГАТО. Ф. 698. Оп. 1.
9. ГАТО. Ф. 759. Оп. 1.
10. Из истории промышленного развития Тюменской области (1917-1980): документы и материалы. Свердловск, 1988. 415 с.
11. Илюхов А. А. Как платили большевики: политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917-1941 гг. М., 2010. 416 с.
12. Красное знамя. 1928. 22 ноября.
13. Красное знамя. 1928. 2 декабря.
14. Красное знамя. 1928. 13 декабря.
15. Красное знамя. 1930. 7 марта.
16. Красное знамя. 1938. 14 января.
17. Красное знамя. 1938. 4 февраля.
18. Красное знамя. 1938. 9 февраля.
19. Красное знамя. 1939. 24 ноября.
20. Красное знамя. 1941. 5 июня.
21. Кружинов В. М., Сокова З. Н. В начале «великого перелома»: первая пятилетка Тюмени (1928-1932 годы) // Земля Тюменская: ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 2007. Тюмень, 2008. Вып. 21. С. 106-126.

WAGES OF WORKERS IN TYUMEN DURING THE FIRST FIVE-YEAR PLANS (1928-1941)

Plokhotnikov Vyacheslav Sergeevich

Tyumen State University

vyacheslavplo@mail.ru

In the article on the basis of new historical sources the policy of the Soviet power in the sphere of remuneration of labour and the wage level of workers in Tyumen in 1928-1941 are analyzed. In the conditions of forced industrialization the state improved the system of labour remuneration in order to ensure advanced increase in labour productivity in respect of the wages. At the same time even with the real wage rise of Tyumen workers their standard of living remained low.

Key words and phrases: wages; labour rate setting; workers; industrialization; Tyumen.

УДК 130.2

Философские науки

В статье анализируется содержание понятий «образ», «образ мира», «картина мира», активно функционирующих в предметном поле гуманитарных наук в стилистическом и коннотативном разнообразии. Акцентируется внимание на проблеме соотношения образа мира и картины мира, которые, несмотря на терминологическую вариативность, представляются преимущественно как синонимичные, тождественные и равноценные. Уточняется терминологическое значение концепта «образ мира» в контексте культурфилософских исследований.

Ключевые слова и фразы: образ; картина мира; образ мира; ментальность; модель мира.

Пыжова Олеся Владимировна, к. филос. н.

Курский государственный медицинский университет

olvp@bk.ru

**ОБРАЗ МИРА VERSUS КАРТИНА МИРА:
СТУПЕНИ КУЛЬТУРФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ[©]**

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-33-01018\1a «Духовная практика как философская проблема: онтологические, эпистемологические, аксиологические аспекты».

В своем широком, культурфилософском понимании понятие «образ» зародилось еще в античности и восходит к учению Платона об «эйдосе», т.е. «идее». В диалоге «Парменид» высказывается мысль, что идеи в природе существуют в виде неких образцов, другие же вещи лишь подобны им, а сопричастность вещей идеям состоит лишь в уподоблении им, сам же процесс познания, свободный от чувственного восприятия, ориентирован на истинные вещи и их смысл, что становится возможным только благодаря мышлению. Такая умопостигаемая реальность и есть «эйдос» или «идея» [12].

Толковый словарь В. И. Даля предлагает под «образом» понимать в одном значении вид, фигуру, внешность, очертания, а также некое подобие предмета или его изображение (*Дом выстроен во образе креста, крестом. По образу – как я, а по уму – свинья*); в другой трактовке образ – это вид, род, дух, направление или сущность (*Образ мыслей. У каждого свои образ речи*); и, наконец, третье толкование образа как образца или примера [4, с. 614]. Советский энциклопедический словарь под редакцией А. М. Прохорова толковал образ уже как философское понятие, означающее для человека результат и идеальную форму отображения окружающей реальности посредством сознания. В контексте чувственного познания образ есть ощущение, восприятие, представление, на уровне мышления – понятия, суждения, умозаключения. В сущности же образ объективен настолько, насколько он соразмерно отражает объект [13, с. 921].

Словарные статьи трактуют понятие «образ» достаточно инвариантно: от внешнего вида, облика, наружности через наглядные представления, форму восприятия объективной реальности в сознании субъекта, характер, склад до обобщенных художественных изображений, создаваемых писателями, художниками и артистами. Так, в современной редакции одного из лучших толковых словарей русского языка С. И. Ожегова образ трактуется, во-первых, как вид, облик; во-вторых, как некое наглядное представление; в-третьих, как суммарное художественное отображение реальности, оформленное в конкретное, индивидуальное явление; в-четвертых, как тип, характер в художественном произведении; в-пятых, как порядок, направление, способ [11, с. 654].

В контексте исследований философии культуры использование понятия «образ мира» требует дополнительных уточнений его содержания, поскольку в теории и методологии современного гуманитарного знания более широко используется, прежде всего, понятие «картина мира», подразумеваемое исключительно полиморфным и разнотипным: картина мира мифологическая, религиозная, философская, научная, художественная, национальная, языковая, техническая, физическая, географическая, экологическая, профессиональная, гендерная и т.д., в соответствии со всем культурным «космосом» человеческих практик и сфер общественного сознания.